

С. ВОСТОКОВ

ОСТРОВ,
ОДЕТЫЙ
в дЖЕРСИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
КАТИ АНАРЕЕВОЙ

Станислав Востоков

Остров, одетый в джерси

«Белая ворона/Albus corvus»

2020

Востоков С. В.

Остров, одетый в джерси / С. В. Востоков — «Белая ворона/Albus corvus», 2020

ISBN 978-5-00114-228-7

Однажды Станислав Востоков написал письмо Джеральду Дарреллу, чьи рассказы о животных очень любил. А тот возьми да и ответь! И не каким-то там обычным «спасибо», а приглашением на стажировку в Международный обучающий центр сохранения природы при зоопарке на нормандском острове Джерси. Там Станислав Востоков начал вести дневник своих приключений, и вот что из этого вышло.

ISBN 978-5-00114-228-7

© Востоков С. В., 2020

© Белая ворона/Albus corvus, 2020

Содержание

Вместо предисловия	6
1	7
2	11
3	13
4	14
5	16
6	18
7	21
8	24
9	26
10	28
11	30
12	32
13	34
14	36
15	38
16	40
17	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Станислав Востоков

Остров, одетый в джерси

© Станислав Востоков, текст, 2020

© Екатерина Андреева, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

Вместо предисловия

Вы не читали книги Даррелла? А я читал. Если бы не читал, то ничего бы и не произошло. А я вот прочитал, и произошло. Что же произошло? Да, в общем, ничего такого. Прочитал и думаю: дай-ка письмо Дарреллу напишу – мол, книги ваши понравились, особенно про животных, спасибо вам, пишите еще. Ну написал и написал, но с другой стороны, мог ведь и не написать...

А он мне взял да и ответил (через секретаря, конечно) – мол, спасибо за пожелания, обязательно буду писать дальше, раз вы просите. Не хотите ли приехать ко мне в зоопарк, поучиться?

Так я попал на остров Джерси, а ведь мог и не попасть...

1

На кормокухне Элунед, под начало которой я попал, рубила апельсины. Раз! Нож с чмоканием врезается в апельсин. Два! Разрубленный фрукт катится в ведро, обливаясь желтыми слезами.

– Сейчас пойдем кормить варей, – сказала она.

– Каких Варей? – удивился я.

– А ты их не видел? Они вместе с каттами живут. Только вари катт все время по клетке гоняют.

Страшную картину нарисовала Элунед.

– Вы держите в клетках людей?

– Каких людей? Люди у нас, как положено, по дорожкам ходят и бумажками мусорят. В клетках – звери и птицы.

– А Вари? А Кати?

– Так они не то что не люди, они даже не обезьяны!

– А кто же?

– Полуобезьяны, или, говоря проще, лемуры. Не хочешь ли ты помыть айву?

Я бросил айву в раковину и стал ее мыть. От этого на кормокухне поднялся такой звон, будто бы я намывал пушечные ядра.

– Затем пару бананов, штуки три огурцов и несколько морковок. Только не мельчи. Бери покрупнее.

Я стал выбирать огурцы и морковку покрупнее и в итоге выбрал такие огромные овощи, что с ними можно было идти на врага. В ведро они не поместились и выглядывали оттуда, как солдаты из окопа.

– Помыть и порезать?

– Точно.

– Какой студент толковый! – удивился парень по имени Доминик, который тоже что-то мыл в соседней раковине. – Вот у меня прошлый год один студент был, сначала резал, а уж потом мыл. Он из одной жаркой страны приехал. «Зачем, – говорит, – мыть? Мы на родине никогда ничего не моем».

– Почему?

– Табу. Им религия водой пользоваться запрещает. Они считают, что в воде злые духи живут.

Помыв и нарезав что следует, мы отправились к Варям, которые вроде бы жили вместе с Катями.

Мы прошли вдоль клумбы с фиалками, миновали заросли бугенвиллий, обогнули давно отцветшую сирень и остановились у куста жасмина.

– Как у вас цветов много! И какие разные!

– Это Джон Хартли все. Как за границу поедет, обязательно какие-нибудь новые цветы привозит. «Они, – говорит, – напоминают мне о наших иностранных проектах». Если он еще пару проектов организует, ходить будет негде.

Вскоре мы очутились в какой-то незнакомой мне части зоопарка. Тут имелись шири и даже просторы.

– А зоопарк-то, оказывается, немаленький!

– Администрация соседнее поместье прикупила. Хочет там суперпроект сделать: «Панорама бразильской фауны». А вот, кстати, и варя!

Мы стояли перед железной сеткой, а из-за нее на нас смотрела неприятная хитрая морда.

«Любопытной Варваре на базаре нос оторвали» – вспомнил я.

Черная как ночь, она глядела глазами желтыми, как молодая луна. По этим желтым глазам совершенно ясно читались мысли, наполняющие черную голову. Конечно, они были черными.

– Это Бандерша, – сказала Элунед, – вожак стаи.

«Главная Варя» – понял я.

Перед большой клеткой, в которой обитали Вари, находилась другая, совсем маленькая. Формой и размерами она напоминала лифт.

– Это тамбур, – сказала Элунед, закрывая наружную дверь и открывая внутреннюю, ведущую в вольеру. – Он предохраняет от бегства животных.

– Понятно, – сказал я. – Как интересно.

Едва мы появились в клетке, черная морда задвигалась, сморщила нос и стала нюхать мои ботинки. Затем вдруг поднялась на задние лапы и сильно дернула передними за карман комбинезона.

– Чего это она, а? – я отодвинулся к сетке. – Нападает, что ли?

– С ней надо быть покруче, – сказала Элунед и замахнулась на Бандершу ведром.

Почувствовав твердую руку, Бандерша откатилась в глубину и стала собирать банду. Из-под кустов, с деревьев, из зарослей травы к ней стягивались другие черно-белые разбойники.

Лемуры вари были красивы. Каждый волосок их пятнистых шуб стоял отдельно и сиял как солнце. Видно было, что над этим мехом хорошо поработали языком.

На лемурих затылках сидели мохнатые шапки-ушанки. Уши их не были завязаны под подбородком и лихо торчали в стороны. Одно слово – бандиты.

Со свистом, с улюлюканьем налетели они на нас.

– Кидай в них апельсинами! – скомандовала Элунед и первая метнула в черно-белую толпу оранжевый фрукт. Половина апельсина оказалась эффективней целой лимонки.

Банда, пораженная апельсином в самое сердце, закрутилась на месте и задергалась, хватая очаг поражения когтистыми лапами.

Из-за фрукта началась ссора. Черные лапы стали бить по черным мордам. Засверкали белые зубы. Показались краснейшие языки.

– Разбрасывай скорее еду! Половины апельсина надолго не хватит!

И верно. В тот же момент из центра свары вынырнула Бандерша. В челюстях ее, словно золотой кубок чемпиона, горел апельсин. Она клацнула зубами, всосала мякоть и плюнула кожурой в родственников.

Оплеванные бандиты, поняв, что больше апельсинов нет, ринулись к нам.

Мы отстреливались яблоками, айвой и морковью. Наибольший урон врагу нанесли бананы. Враг, съедая мякоть, скользил на кожуре и буксовал. Атака захлебнулась.

– Без бананов сюда даже не входи.

– Я бы и с бананами не пошел, – ответил я. – Как же Кати с ними живут? Чем отстреливаются?

– Им отстреливаться нечем. У них вся надежда на скорость.

– Тяжелая какая жизнь.

– Нелегкая. Бери ноги в руки. Надо катт покормить, пока вари отвлечены.

Слева от нас был склон, справа пруд, между ними дорожка. По ней мы и побежали. Мы подпрыгивали на кочках, яблоки прыгали в ведре. Мысли в голове тоже прыгали, как шары в лотерейном барабане.

«Что ж это за жизнь? – думал я. – Есть, только когда твой враг ест. Убегать, когда враг прибегает. Разве это жизнь? Прозябание какое-то».

Скользя на сырой земле, оставляя на ней длинные борозды, мы поднялись на холм. Здесь стояла клетка, и на ней плечом к плечу сидел отряд кольцехвостых лемуров. Видно было, что общая беда сплотила их коллектив. Иногда они вставали и, примякивая, наблюдали, не закончил ли враг трапезу? Не хочет ли напасть? Тут-то я понял, что это не Кати, а катты – что в переводе с языка древних римлян означает «кошачье».

Но ничего, совсем ничего кошачьего в их облике не было. Хотя нет, было какое-то общее неуловимое кошачье впечатление.

– Чего задумался? Кидай остатки на клетку!

Элунед махнула ведром, будто хотела выплеснуть из него воду, и в лемуров полетела пища: яблоки, огурцы и бананы.

Катты хватали фрукты и овощи на лету, как знаменитый вратарь Яшин. Не прекращая наблюдать за местностью, они культурно откусывали по кусочку и словно бы негромко совещались друг с другом:

– Не виден ли враг, товарищ лейтенант?

– Никак нет, товарищ сержант, не виден. Кушайте спокойно.

Катты были аккуратнее, хрупче варей и в миллион раз интеллигентней. Именно за это последнее им и доставалось. Хапуги и хулиганы не любят интеллигентов, поэтому интеллигентам приходится избегать встреч с грубиянами. Они, конечно, могли бы задавить противника интеллектом, но им жалко изводить умственную энергию на такую ничтожную цель. Убегут от хапуг, залезут на дерево и давай думать о вечном, о прекрасном.

Грудь катт украшает белая салфетка, но на ней нет ни следа от съеденной пищи. Глаза их охватывают черные очки, а лапы – лайковые перчатки. Салфетка, очки, перчатки – это ли не верный признак интеллигента? Он никогда не наденет вздорной шапки-ушанки и пошлой черно-белой шубы. Разве что в очень сильный мороз.

Но вот где-то позади нас раздался хруст веток и треск сухой древесной коры. Шум усиливался так быстро, что стало ясно: скоро ветки и кора будут трещать рядом с нами.

Катты побросали недоеденные овощи-фрукты и прыжками, прыжками, словно огромные серые белки, стали возноситься на деревья. Их белые хвосты, обвитые черными кольцами, напоминали пограничные столбы, которые отступали вместе с пограничниками. А банда варей была похожа на оккупантов, которые безуспешно пытаются нарушить постоянно ускользающую границу.

Неприятно хрюкая и визжа, они старались добраться до катт, но тонкие ветви не выдерживали их грузных тел. Ветви ломались, и вари, махая шубами и переворачиваясь в воздухе как кошки, летели в траву.

И приземлялись они сразу на четыре лапы.

Уничтожив последние огурцы и заключительные яблоки, вари некоторое время громко сквернословили, а затем удалились, волоча животы по траве, приминая ее грубыми дубинообразными хвостами.

2

Вслед за варями двинулись к выходу и мы. Теперь нам не нужно было торопиться, и я смог подробнее рассмотреть загон, который, к слову сказать, назывался «Лемурий край». Но, на мой взгляд, ничего лемурийского в этом краю не было. Лемуры сидели на совершенно английских дубах и среди желудей выглядели неуместно. Желуди и лемуры – есть ли более несовместимые предметы? Нет, нет, не складывались эти деревья, трава и земля в пейзаж южного острова Мадагаскар – родины лемуру. Да и могучим словом «край» это место назвать нельзя. Скорее – уголок.

Углом, широким клином охватывала сетка-рабица правый берег пруда. В центре небольшого водоема находился остров, напоминающий панцирь морской черепахи. Над ним поднимались какие-то треноги, похожие на опорные столбы электролинии. Но вместо проводов на треногах висел толстый крученый канат. Точно посреди панциря стояла хижина. Наверное, в такой когда-то жил знаменитый Робинзон Крузо. Но, если бы эта постройка действительно принадлежала отважному герою, ему незачем было бы сидеть двадцать восемь лет на острове в ожидании корабля. От большой земли остров отделяло не более десяти метров воды.

«Для кого же построена хижина? – удивился я. – Обитаем этот остров или нет?»

Вдруг на острове раздались плач и крики. В криках слышалась угроза, в плаче – мольба о пощаде. Видимо, там кто-то кого-то бил. Тут из хижины вылетел рыдающий карлик и залез на треногу. Волосы у него на голове стояли дыбом. Затем появился карлик кричащий. Он залез на другую треногу и стал оттуда в чем-то упрекать своего плачущего собрата. Удивительно, но и у второго карлика волосы на голове стояли стеной – наверное, от ярости. Я видел, что его рыдающий соплеменник находится на грани срыва – то ли его предали, то ли бросили. И судя по всему, предал и бросил именно тот, кто упрекал. Бросил, предал, а теперь упрекает! Какой цинизм! Какое холодное равнодушие! Плачущий в отчаянии вполне мог броситься в воду или сделать с собой что-нибудь еще более ужасное. Передо мной разыгрывалась настоящая человеческая драма.

Но оба карлика были обезьянами со странным названием эдиповы тамарины. Конечно, от этого их беда не казалось менее значительной. Нет-нет! Хотелось помочь им, успокоить вопящего, указать на ошибки кричащего.

Вдруг крики стихли. Рыдающий тамарин побежал по канату навстречу кричащему. Кричащий бросился к рыдающему. Они встретились точно в центре, обнялись, прослезились и пообещали никогда больше не предавать и не бросать друг друга.

Мы давно уже вышли из вольеры варей и глядели на остров с дорожки, стоя среди прочих посетителей.

– Разобрались, что ли? – сказал какой-то джентльмен. – Слава Богу!

– Стресс! Какой сильный стресс! – то ли огорчалась, то ли восхищалась высокая леди. – Им нужна помощь психолога!

Мы с Элунед обогнули пруд и снова оказались перед тамбуром. И опять за сеткой появилась чернейшая морда с глазами цвета яичного желтка.

– Сколько же здесь всяких морд! – удивился я.

– Четырнадцать. В этой клетке четырнадцать. И с той стороны пруда четырнадцать. Всего двадцать восемь.

– Двадцать восемь морд и ни одного лица! Какой ужас!

Обитающие в этой вольере вари были одеты в пошлые лисьи шубы. Глупо и странно выглядела собачья черная морда в обрамлении лисьего воротника. Или ты лемур, или лиса. Надо выбрать что-то одно. Но лемуры с собачьими мордами выбирать не хотели, они хотели совсем другого.

– Лопайте, лопайте, – приговаривала Элунед, разбрасывая яблоки и бананы. – Трескайте.

Лемуры ели много, но ни трескаться, ни лопаться не собирались.

И в этой вольере вместе с варями жили катты. Они ничем не отличались от родичей с правого берега. Но жизнь у них была, несомненно, труднее, потому что деревьев, на которых можно укрыться от варей, тут было куда меньше.

Значительную часть дня катты отсиживались в старом покосившемся сарае, что стоял на берегу и был похож на человека, собирающегося нырнуть в воду.

Когда, наконец, рабочий день завершился, я отправился в усадьбу Ле Ное, где жили все студенты. Проходя по кленовой аллее, я вдруг заметил, что на деревьях уже не осталось ни одного листа, и удивился тому, как быстро пролетело время со дня моего прибытия на Джерси. Я вспомнил, как долго, невероятно долго добирался до острова и какое облегчение почувствовал в Лондоне, когда понял, что мне осталось сделать последний из четырех перелетов, чтобы добраться до места учебы.

3

Я стоял в аэропорту и смотрел на рекламу с изображением острова Джерси.

На плакате он был похож на пирог, который откусили сразу с нескольких сторон. Я немало удивился, узнав, что этот северный остров славится своими курортами.

Неожиданной новостью было и то, что Джерси – это отдельное государство. Со своим парламентом и собственной валютой. Главный на острове – бейлиф. На заседаниях парламента бейлиф появляется со скипетром. Надо заметить, что это один из самых больших скипетров в Европе. Его когда-то подарил острову король Карл, в благодарность за то, что джерсийцы укрыли его во время лондонского мятежа. Это время, надо думать, король не терял даром. Он хорошенько позагорал, укрепил здоровье морскими ваннами и, вернувшись в столицу, сразу навел в стране порядок.

А рядом с Джерси есть другой остров – Гернси. Это тоже отдельное государство.

Я закинул сумку на плечо и направился на паспортный контроль.

4

Через полчаса после вылета из Лондона лайнер завалился набок и поплыл над Джерси. Не прекращая горизонтального движения, он стал плавно снижаться. Едва шасси самолета коснулись земли, царящая в салоне атмосфера солидного покоя мигом исчезла. Леди и джентльмены передо мной мелко затряслись, вдруг нырнули вперед, будто бы пытаясь порвать свои привязные ремни, и наконец дружно откинулись на спинки.

К нашему лайнеру подъехала желтая машина, зацепила его длинной железной палкой и потащила к зданию аэропорта.

– Мадам и месье! – объявил стюард. – Наш самолет произвел посадку в столице острова Джерси – Сент-Элье. Благодарим вас за то, что вы отдали предпочтение именно нашей авиакомпании. Надеемся, что в следующий раз вы не измените своих принципов и снова сделаете правильный выбор. Позвольте пожелать вам приятного отдыха. Оревуар!

Где и каким образом дамы и джентльмены успели превратиться в мадам и месье? Что за название – Сент-Элье? Где мы вообще, в Англии или, может, уже во Франции?

Нет, конечно, мы не были во Франции. До нее отсюда еще довольно далеко. Но не были мы и в Англии. Никогда ни один джерсиец не назовет свою землю английской. Земля эта, разумеется, джерсийская. Правда, говорят тут все-таки по-английски, но живут на улицах с совершенно французскими названиями. И совсем удивительно, что на улице с французским названием можно зайти в китайский ресторан «Династия Мин» или в бистро с веселой вывеской «Занзибар».

Я неспешно поднялся, взял сумку и вышел из самолета.

5

Взлетное поле было похоже на черное зеркало. Тут не то что ногам, глазу не за что было зацепиться.

Единственным, что притягивало взгляд, был бело-красный флюгер-колдун, развевающийся над аэровокзалом. Когда ветер наполнял его, то казалось, что полосатый носок обтягивает прозрачную ногу невиданного размера. Воздушные потоки на острове меняются чуть не каждую минуту. И летчикам обязательно надо знать, куда ветер дует. В прямом, конечно, смысле.

«Хорошо бы, чтоб кто-нибудь меня встретил, – думал я, входя в здание аэровокзала. – Да кто ж меня встретит?»

Но я оказался в корне не прав.

В вестибюле меня ожидал сам Джеральд Даррелл.

Несмотря на то что уже наступил сентябрь, он был одет в рубашку с короткими рукавами, летние туфли и белые брюки. Хотя он был сед, над сединой стояла радуга. Лицо озаряла отеческая улыбка.

У ног Даррелла сидели два кошачьих лемура. Они смотрели на него с обожанием и восторгом.

Над знаменитым звероловом висел пузырь, в который он говорил: «Добро пожаловать на Джерси!»

Все это было изображено на огромном плакате.

Под ним в стене чернели две дыры. Из левой дыры лента конвейера выезжала нагруженная багажом пассажиров, а в правую втягивалась уже пустая. Только позабытый кем-то пластиковый пакет без конца крутился и крутился на конвейере, как спортсмен-марафонец.

Я подхватил свой рюкзак, повесил его на плечо и двинулся к выходу.

Перед аэровокзалом находилась автобусная остановка. На ней стоял одинокий желтый автобус, разделенный вдоль толстой красной полосой и оттого напоминающий бигмак с кетчупом.

Я почему-то надеялся, что этот автобус идет прямо в зоопарк, но он ехал совсем в другое место.

Над лобовым стеклом значилось: «Сент-Элье – Сент-Клемент». Кроме того, отсюда можно было уехать в Сент-Брелад, Сент-Питер, Сент-Оуэн, Сент-Мэри, Сент-Джон и так далее.

Все это – районы Джерси, которые называются интересным словом «парижи»¹.

Можно было бы, конечно, поинтересоваться у водителя машины, как добраться до зоопарка. Но кабина за широким лобовым стеклом была пуста.

Не зная, что делать, я вернулся к дверям аэропорта. Но входить внутрь не стал, а при- тормозил неподалеку и принялся наблюдать.

Часто стороннее наблюдение может дать больше, чем суетливые расспросы.

Делая вид, что читаю путеводитель, я стал наблюдать за прилетевшими пассажирами. Но им пока тоже уезжать было особенно не на чем, и я сосредоточил свое внимание на снующих в небе самолетах местных линий.

Эти летательные аппараты отличались тем, что имели некоторые черты вертолетов. У них были очень короткие крылья, на которых, разрубая облака в клочья, вращались невидимые винты. Желто-черная полосатая окраска фюзеляжей наводила на мысль о пчелах. Воздушные суда то, жужжа, уносились в облака, то опускались на землю и вкатывались в ангар, похожий на гигантский улей.

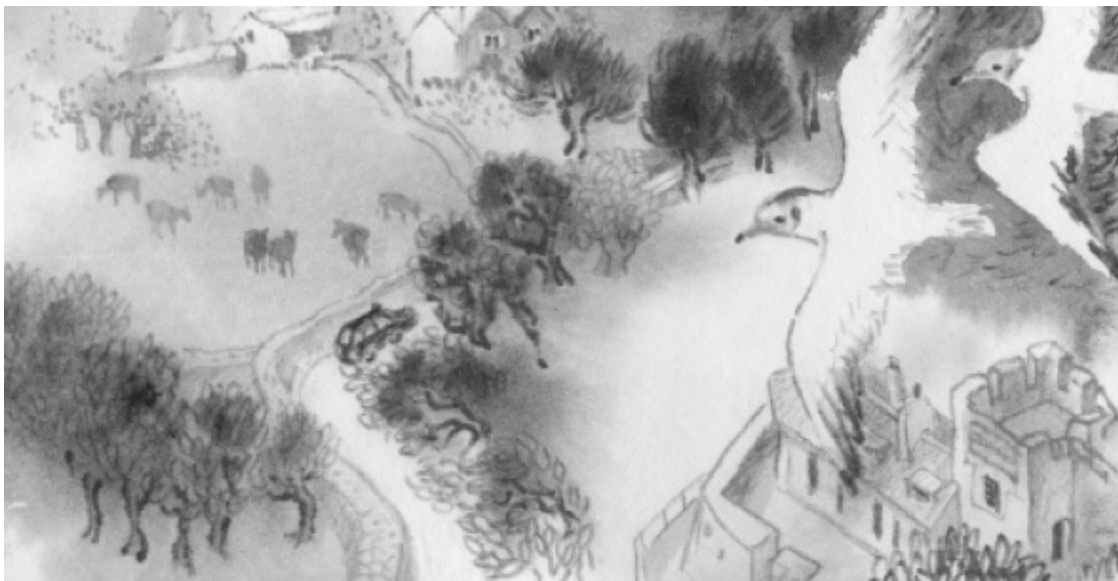
За полчаса я увидел множество самолетов, а автобус как был, так и остался в единственном экземпляре.

Между тем количество пассажиров перед аэровокзалом сильно поубавилось. Спohватившись, я возобновил свое наблюдение за ними и наконец понял, что уезжают они отсюда не на автобусах, а на такси.

Это меня не обрадовало, поскольку я находился в режиме жесткой экономии. Однако джерсийцев, как я узнал позже, вопрос экономии денег не волнует, потому что чуть ли не каждый десятый здесь – миллионер.

¹ «Парижи» Джерси не имеют отношения к Франции. Это слово образовано от английского «parish», то есть «приход». Всего Джерси делится на 12 приходов.

6

Вот уже и не осталось никого перед аэровокзалом. Лишь я томлюсь на остановке, одинокий, как космонавт Алексей Леонов во время своего знаменитого выхода в открытый космос.

Солнце из желтого сделалось апельсиновым. Глядя на него, я понял, что хоть меня миллионером и не назовешь, ехать все же придется на такси.

Словно услышав мои мысли, водитель проезжавшего мимо такси затормозил и подкатил ко входу в аэропорт.

В окне автомобиля я увидел джентльмена самого простецкого вида. Одет он был в свитер-джерси, а на голове имел кепку «а ля Холмс».

– До зоопарка подвезете? – спросил я.

– Садись, сынок!

Я открыл дверь и сел на заднее сиденье.

Машина начала движение бесшумно и плавно.

Пейзажи, проносящиеся за окном, были столь красивы, что их хотелось вставить в рамку и повесить на стену. То я видел зеленый пологий холм, утыканный коровами, то элегантную усадьбу в облаке бугенвиллий. Вдруг пейзажи кончились, и вдоль обочины выросла гранитная стена.

Через минуту стена провалилась куда-то вниз, показав на некоторое время живописные развалины старинного замка, но тут же вновь выскочила на поверхность. По дороге она все время то проваливалась, то поднималась снова, напоминая солдата, который исполняет команду «лечь-встать».

А дорога-то узка! Машина неслась между стен, как пуля в стволе, и места для еще одной пули здесь не было.

«А если встречный автомобиль? – подумал я. – Скорость километров восемьдесят. И у встречного восемьдесят. Вместе получается сто шестьдесят! А свернуть-то некуда!»

Некоторое время я, окаменев, ожидал встречный автомобиль.

Тогда я еще не знал, что на Джерси множество дорог с односторонним движением. И здесь нередко ехать в нужное место приходится по одной дороге, а возвращаться по другой, причем эти дороги могут проходить по разным частям острова.

Между тем гранитные стенки сблизались настолько, что сжатый между ними и автомобилем воздух начал громко свистеть.

Со свистом мчалась машина, как пуля, летящая в стволе, и никак не могла из этого ствола вылететь. А ствол извивался, закручивался. И непонятно было, как снаряд, выпущенный из такого ствола, может угодить в цель.

В этот момент, когда водитель должен быть особенно внимательным, шофер полуобернулся ко мне.

– Учиться приехал?

Я понимал, что ответить надо побыстрее. Но стены за окнами вводили в паралич. В любую секунду они могли обрушиться на машину.

Тут водитель обернулся ко мне полностью, желая узнать, почему я молчу. На лице его был написан большой вопрос.

– Учиться, учиться приехал, – почти закричал я. – Вы на дорогу смотрите!

Шофер удовлетворенно кивнул и некоторое время действительно смотрел на дорогу.

Но вот кепка дрогнула и снова двинулась в мою сторону.

– А откуда приехал учиться-то?

– Из России. Из России приехал. Вы за проезжей частью следите!

– А чего за ней следить, у нас движение спокойное.

С этими словами – нет-нет, да что же это такое! – он сунул в рот трубку, отпустил руль, стал хлопать себя по карманам, разыскивая спички.

Гранитные стены должны были немедленно расплющить машину, изломать двери, расколотить стекла.

Между тем ничего ужасного не произошло. Машина как по ниточке катилась по середине дороги и поворачивала там, где нужно. Но немногие седые волосы, которые есть у меня, появились именно в тот момент.

Наконец, водитель закурил и снова повернулся ко мне, намереваясь продолжить разговор.

Но я не давал ему особенно разговориться и умудрялся отвечать на вопросы, когда они только зарождались под его кепкой.

Шофер был большим любителем душевной автомобильной беседы. Художественное автомобильное слово для него, безусловно, было важной деталью пассажирского извоза. А я душил его слово на корню.

Но я боролся за свою молодую жизнь. И за его пожилую, между прочим, тоже. В итоге водитель умолк и до конца пути не проронил ни звука.

Тем временем гранитная стена на обочине ожила и превратилась в живую изгородь. Ехать стало веселее. В какой-то момент изгородь расступилась, и наша машина юркнула в образовавшийся проем. Она скатилась с горки и, захрапев как лошадь, остановилась.

За окном виднелась часть каменной стены с окном. Трудно было сказать, зданию какого века она принадлежит, но я мог сказать совершенно точно, что к зоопарку оно не имеет никакого отношения.

7

А ведь шофер был мною обижен. За такую обиду он мог завезти куда-нибудь в глухое место и... Хотя вряд ли нашлось бы на этом острове место, которое можно было назвать «глухим». Здесь все хорошо обжито и довольно густо заселено.

– Англичане верят в загробную жизнь, сынок, – сказал вдруг шофер. – Они считают, что умирает только тело, а душа живет вечно. А что происходит с душой русского?

– Точно не известно, – отвечал я. – Известно только, что русская душа – загадка. Но куда это ты завез меня, отец?

«Отец» удивленно посмотрел на меня.

– Как куда? Ты что, сынок? Куда просил, туда завез. Поместье Ле Ное, Международный центр, обучающий сохранению природы. Короче – МЦОСП.

– МЦОСП?

– Куда просил, туда и привез. Идем.

Я выбрался из машины и, поднявшись вслед за шофером по гранитному крыльцу, вошел в коридор.

В коридоре стояли и разговаривали четыре человека. То ли они как раз собирались выйти, то ли им просто нравилось стоять и разговаривать в коридоре.

Первой взгляд привлекала полная пожилая женщина. Ее седые волосы были коротко подстрижены. На картофельном носу сидели очки с линзами огромными как экраны телевизора. Но показывали по ним все время одно и то же – громадные голубые глаза. Эту женщину невольно хотелось сравнить с совой.

Рядом стояла дама помоложе. Она совершенно не была похожа на пожилую женщину, но я почему-то решил, что это ее дочь.

По правую руку от молодой дамы находились два индуса. И кроме национальности ничего общего между ними не было.

Первый – низкорослый, с носом крепким, как молоток.

Над румяными щеками, под черными опрокинутыми полумесяцами бровей блестят хитрые глаза. Телосложение у него шарообразное. Вообще же он удивительно походит на узбека.

Второй житель Индии также невысок. Но насколько первый индус толст, настолько этот худ. Глаза его смотрят, кажется, из самой середины головы. Сложно увидеть их в темных колодцах глазниц и понять их выражение.

Зато зубы его сияют так, что можно подумать, будто он с рождения жевал «Орбит без сахара».

Шофер снял кепку и сказал:

– Вот, мэм, новенького вам привез.

Женщина-сова перевела очки-телеэкраны на меня.

– Как вас зовут?

– Стас.

– Он из России, – сказал шофер и вдруг добавил. – У них там живут одни атеисты. Они не верят, что у человека есть душа.

– Как это не верят? Что вы такое говорите! – обиделся я.

– А то, – ответил шофер. – Вот сейчас заплатишь за извоз, и мы поглядим, какая у тебя душа, широкая или нет?

– Плачу пять долларов!

Я залез в карман, вынул американский денежный знак и замахал им, как бы показывая широту своей души.

– Узкая у тебя душа, – недовольно поморщился шофер. – Душонка.

– Мало? Десять плачу! На!

Я достал денежный знак покрупнее.

– Знаешь что... Ты себе из этой зелени салат сделай! А мне давай джерсийские фунты. Вот тогда посмотрим, какая у тебя душа. А то размахался!

Дружеский огонек в глазах водителя перерос в багровое пламя гнева. Он понял, что его хотят обмануть. Качнув плечами, он шагнул ко мне.

Но пожилая женщина преградила ему дорогу. Видимо, она была хозяйкой дома и хотела, чтобы все это чувствовали. И шофер почувствовал.

– А ну-ка постойте, сэр! Что вы сразу давите? Что вы сразу давите? Молодой человек из другой страны приехал, порядков наших не знает. А вы сразу навалились!

– Да я не сразу, – вдруг стал оправдываться шофер. – Я только когда неплатеж пошел.

– Какой неплатеж? За молодого человека МЦОСП платит.

– Да?

Шофер совсем растерялся, надел кепку и тут же снял. И снова надел. Но потом опять снял.

Женщина шагнула к стене, сунула руку в карман висящего на вешалке пальто и достала кошелек.

– Сколько?

– Четыре фунта сорок пенсов.

– Вот вам пять. И можете выпить на шестьдесят оставшихся пенсов три стакана чая.

– О! Совсем не нужно, мэм. А впрочем, выпью!

Шофер надел кепку и тут же снова снял.

– До свидания, мэм, до свидания, леди и джентльмены. Пока, сынок. Извини уж, погодя.

– Ничего, бывает.

– Да уж, ну гудбай!

И окончательно утвердив шапку на голове, он вышел во двор.

8

Пожилая женщина открыла дверь, ведущую вглубь дома, и махнула мне рукой.

– Идемте!

И все, кто был в коридоре, вошли в небольшую столовую.

Здесь, кроме столов, были стулья, различные шкафчики, холодильник и небольшой камин. На камине стояла фотография: пляж, который белым клином рассекал синеву неба и моря. Два огромных окна выходили на зеленую лужайку.

– Присаживайтесь! – предложила хозяйка.

Я приглядел место за столиком у камина. Остальные расселись кто где.

Все по-прежнему смотрели на меня, ожидая моего рассказа. А я молча разглядывал пляж на фотографии.

Хозяйка тщетно попробовала нахмуриться. Лицо ее было гладким как абрикос и, видимо, не хмурилось в принципе.

– Вы, кажется, должны были приехать вчера? – сказала она. – Я, между прочим, ездила встречать вас в аэропорт. Два часа стояла там с плакатиком «Добро пожаловать, мистер Востоков!», как клен на Пиккадилли.

– Я опоздал на самолет, – ответил я.

– Понимаю. Но надо было позвонить и сообщить об этом. Чтоб люди не волновались.

Мне трудно было вообразить, что подобная мелочь может взволновать человека с таким гладким лицом, но на всякий случай я принял виноватое выражение.

Хозяйка улыбнулась.

– Впрочем, в аэропорту работает моя подруга, и мы с ней от души посплетничали. А теперь познакомьтесь со своими сокурсниками.

Хозяйка показала на индуса-узбека.

– Это Мигрень из Индии.

Не могу сказать, что такое имя меня не удивило. Но за границей может быть всякое. Мигрень так Мигрень.

Я кивнул индусу. Он в ответ тоже наклонил голову.

Позже я узнал, что на самом деле его зовут Мриген. Но англичанам никак не удавалось выговорить его имя правильно. Затем хозяйка перевела указующий перст на худого индуса.

– Это Кумарагуру-буру-муру...

Худой индус поднял ладонь и сказал:

– Кумарагурубаран!

Мы улыбнулись друг другу.

Понятно, что произнести это имя никто, кроме самого Кумарагурубарана, не смог бы. Поэтому мы называли его просто Кумаром.

Наконец, хозяйка добралась до молодой дамы.

– А это Ханна из Канады.

«Значит, не дочка», – подумал я.

– Меня же зовут Олуэн. Я веду тут хозяйство.

9

Олуэн поднялась и расправила плечи.

– А теперь запомните наш распорядок. – Она принялась загибать пальцы на руке. – Семь тридцать – подъем. Восемь ноль ноль – спуск к завтраку. Двенадцать тридцать – ланч. Восемнадцать тридцать – обед. Двадцать два ноль ноль – отбой. А остальное время прилежная учеба и тяжелая работа! Поняли?

Мы кивнули.

– И учтите, по воскресеньям будете мыть посуду сами. Потому что в этот день у меня выходной!

Олуэн пристально на нас посмотрела и вдруг грохнула кулаком по столу.

– И ни в коем случае не есть в своих комнатах!

В этот момент лицо Кумара из кофейного стало молочным. То ли он уже ел в своей комнате, то ли намеревался вскоре это сделать. Затем Олуэн повернулась ко мне.

– А сейчас я покажу вам вашу комнату.

Мы снова вышли в коридор и поднялись по лестнице на темную площадку третьего этажа. Позвонив ключами, Олуэн открыла дверь и посторонилась, пропуская меня вперед.

Комната находилась в мансарде, и из ее окна была видна большая часть зоопарка. Прямо напротив мансарды находилась вольера с черно-белыми лемурами. Они сидели на верхушках деревьев и издали напоминали раскормленных сорок.

– Держите ключ.

Я взял из рук хозяйки ключ и увидел, что на нем болтается брелок – пластмассовая рамочка, в которую вставлена бумажка с надписью «Квагга».

Заметив мое недоумение, Олуэн объяснила:

– У нас все комнаты названы именами вымерших животных. Напротив вас – «Странствующий голубь», под вами – «Дронг», а Мигрень и Кумар живут в «Тасманском волке».

10

– Теперь вы должны пойти к профессору Фа! – сказала Олуэн.

Я вздрогнул.

«Фа!» – это звучало страшно.

Это было похоже на крик африканца, увидавшего змею.

– Покажитесь ему и сразу возвращайтесь. Скорее ланч!

Выяснив у Олуэн, в какой именно части особняка нужно искать профессора, я запер комнату, спустился по лестнице и вышел во двор.

В плане усадьба Ле Ное похожа на букву «Ц». Столовая и комнаты студентов находятся в ее основании. В левой части буквы располагаются библиотека, лекторий и комнаты преподавателей, правую занимал гараж. В хвостике жил молодой сотрудник зоопарковского террариума Ричард Гибсон.

У главного входа в усадьбу на красной стене висела белая табличка: «Международный центр, обучающий сохранению природы».

Войдя в вестибюль, я огляделся. Справа находилась безмолвная пока библиотека, слева – лекторий, в котором еще никто не читал лекций. Под лестницей, поднимающейся на второй этаж, на низком столике стоял гигантский термос, похожий на двухведерный самовар. Рядом притулились три банки кофе. Кофе тут, вероятно, любили.

Я поднялся по лестнице и пошел по узкому коридору, дергая все дверные ручки подряд. Я толкнул семь запертых дверей и сильнее всего восьмую – незапертую.

С криком испуга я ввалился в комнату. Из-за книжных стопок на меня смотрел человек с ужасной фамилией Фа. И, надо сказать, внешность его весьма к этой фамилии подходила. Левое веко профессора завернулось к шапке черных кудрявых волос, показав свою розовую изнанку. А упомянутая шапка кудрей была такой густой и высокой, что напоминала папаху, в которой ходил знаменитый командир Чапаев.

К счастью, приветствие было мною приготовлено заранее и, когда я остановился в центре комнаты, оно вылетело из меня само собой.

– Стас Востоков. Как поживаете?

Больше я ничего сказать не мог и теперь стоял посреди комнаты словно манекен из магазина одежды.

11

Насмотревшись на меня вдоволь, Фа сказал скрипучим голосом:

– Ты должен был прилететь вчера!

Я хотел было объяснить, что к чему, но не смог раскрыть рта. Тогда я поднял руки и развел ими как можно шире, показывая этой шириной глубину своего сожаления о случившемся.

Фа встал, тяжело опершись на стол, и прошел мимо меня в открытую дверь. Уже из коридора до меня донеслось:

– Ну где ты там?

Я последовал за профессором, радуясь, что не вижу его глаза с завернутым веком.

Спускаясь за ним по лестнице, я чувствовал, как она испуганно вздрагивает от его шагов. Перед Фа трепетали даже неодушевленные предметы.

Мы пересекли вестибюль и вошли в библиотеку. Пройдя размашистым шагом мимо книжных полок, Фа вдруг так резко остановился, что я едва не врезался в его спину. Он поднял со стола что-то похожее на бандероль и уронил ее мне на руки.

– Теперь это твоя библия! Ты обязан выучить ее от корки до корки за два дня!

«Как – Библия? – подумал я с ужасом. – Чему нас собираются учить?»

Однако на обложке книги я увидел успокаивающую надпись: «Руководство для студентов МЦОСП».

По толщине «руководство», пожалуй, даже превосходило Библию и приближалось к Большой советской энциклопедии.

Ни за два, ни даже за двадцать два дня выучить такую книгу нельзя. Внезапно я понял, что охрана животных дело сложное и что взялся я за него по глупости.

– Тебя наша хозяйка уже устроила? – спросил Фа.

Я ошарашенно кивнул.

– Гуд!

Профессор по-хозяйски оглядел помещение и, наконец, вернул свое веко в нормальное положение.

– Скоро ланч! – объявил Фа. – Не пропусти.

С этими словами он направился к двери. Раздались удаляющиеся шаги и скрип лестницы.

Тут бы мне облегченно вздохнуть, но я вздрогнул, заметив, что в библиотеке, кроме меня, есть еще кое-кто. За столом, овальным как щит воина-скифа, сидели Мриген и Кумар. Перед каждым из них лежало по «библии».

Я сел рядышком и открыл свое «руководство».

Книга начиналась словами: «Уходя, гасите свет!»

Я довольно долго раздумывал над значением гашения света в деле сохранения редких животных. Но перевернув еще несколько страниц, сообразил, что вступительная часть «руководства» посвящена правилам проживания в Ле Ное. Ознакомившись с ними, я узнал, что мне запрещается готовить еду в комнате, но зато разрешается слушать магнитофон в гостиной и исповедовать свою религию.

Последний пункт меня обрадовал и напугал. Обрадовал, потому что мне в первый раз кто-то разрешил исповедовать мою религию. А испугал тем, что до этого я, оказывается, исповедовал свою религию без разрешения.

Вдруг сидящий напротив меня Мриген оторвал подбородок от «библии» и ловко подвигал усами над губой.

– Через пять минут ланч, – сказал он многозначительно.

Кумар закрыл «руководство» и озабоченно посмотрел на меня.

– Пошли. К Олуэн лучше не опаздывать.

12

Подкрепившись, мы решили осмотреть окрестности.

Мне было очень интересно увидеть, какой жизнью живут местные миллионеры.

Мы вышли из усадьбы и вскоре дошли до шоссе. Здесь кончалось одно поместье – Ле Ное и начиналось другое – Лез Огр.

Вдруг я сообразил, что, гуляя по острову, мы все время будем находиться в чьих-то владениях, откуда нас на вполне законных основаниях могут выдворить. Но еще больше пугало, что выдворить нас можно только снова в чьи-то владения.

К моему удивлению, размеры большинства поместий оказались столь небольшими, что их в пору было называть садовыми участками. Зато посреди каждого из них стоял ладный крепкий особнячок, сложенный из розового гранита и окруженный аккуратно подстриженной живой изгородью.

Дойдя до шоссе, я осторожно выглянул из-за поворота, чтобы выяснить, не едет ли кто.

– Машин нет, – сказал Мриген за моей спиной.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

Мриген похлопал меня по плечу и показал пальцем на другую сторону дороги. Там стоял столб с огромным, как глаз циклопа, зеркалом, в котором отражалась совершенно пустая дорога.

13

Мы вышли на шоссе и пошли гуськом вдоль клеверного поля. Вдруг из-за кupy деревьев навстречу нам выехал трактор. В нем сидел усатый тракторист, с ног до головы одетый в джерси. Ширина его машины настолько точно совпадала с шириной дороги, что для нас на ней места уже не оставалось и нам пришлось сойти с асфальта в заросли клевера.

Трактор выпустил синее газовое облако и уехал.

Отряхивая брюки, мы снова вышли на дорогу.

– Я в Индии форест-рейнджером работаю, – сказал вдруг Мриген. – Слонов и носорогов от нехороших людей берегу.

– От браконьеров? – спросил я.

– От браконьеров, – кивнул Мриген. – Они нехорошие люди.

Я и Кумар согласились, что хорошему человеку в браконьерах делать нечего.

– Быть браконьером не только плохо, но и опасно, – сказал Мриген.

– Почему? – спросил я.

– Потому что их убивают. Я, например, двадцать пять человек убил. И браконьеры одного человека из моего отряда убили.

После этого мы долго шли молча. Кумар иногда вдруг бросал взгляд на доброе лицо Мригена и тут же снова опускал глаза.

Как-то неправильно все получалось. Вроде и животных жалко, и людей. Но людей-то жалче. А особенно – Мригена, которому, чтобы спасти одних, пришлось отбирать жизнь у других.

– Знаете, зачем браконьеры убивают слонов? – спросил Мриген. – Они отрезают у слонов бивни и продают их мастерам, которые украшения делают. А виноваты, я считаю, люди, которые покупают эти украшения. Покупают, а потом возмущаются, почему в мире так мало слонов осталось!

Мриген посмотрел на нас.

– Нет, в принципе я браконьеров понимаю, им деньги нужны. Но у меня тоже зарплата маленькая! Я же не иду в браконьеры!

– У всех хороших людей зарплата маленькая, – сделал вывод Кумар.

– Правда, я еще ресторан держу, – добавил Мриген. – Но у меня большая семья, и на всех все равно денег не хватает.

– Да, да, – согласился Кумар. – Я тоже получаю мало.

Он подозрительно посмотрел на меня.

– А ты почему молчишь? Сколько ты зарабатываешь?

– Да я тоже не богат.

Я снова взглянул на Мригена и подумал, что это лицо хорошо бы смотрелось под поварским колпаком, но никак не с прикладом у щеки. Щеки у Мригена были румяные и совсем не военные.

– А теперь я вам о себе расскажу, – сказал Кумар. – Меня проблема коридоров волнует.

– Ничего себе, – удивился Мриген. – Коридоры его волнуют! Ты что – архитектор?

Кумар захлопал глазами.

– Ты меня не так понял! Я говорю о коридорах между заповедниками. Если, например, один заповедник для слонов слишком маленький, его можно соединить коридорами с соседним. Тогда слоны смогут ходить из одного заповедника в другой, и территория, которую они будут использовать, значительно увеличится!

– Здорово! – обрадовался я.

– Сам придумал? – спросил Мриген.

– Нет, – ответил Кумар. – Но я эту идею обязательно в жизнь воплощу. Меня один миллионер попросил на его деньги заповедник сделать. И он хочет, чтоб там слоны были. А я ему сказал, что этот заповедник маленький, надо еще один купить и между ними коридор сделать.

Мриген повернулся ко мне.

– А теперь ты про себя расскажи. Чего ты молчишь?

– Я не молчу. Я в зоопарке работал, потом в экспедиции был. Сейчас решил приматов изучать. Рассказывать-то, собственно, не о чем.

В этот момент дорога перед нами взметнулась в небо, и мы стали подниматься на крутой склон.

Дойдя до вершины, мы остановились и оглянулись.

Все двенадцать парижей острова лежали перед нами как на ладони. Друг от друга их отделяли узкие дороги, окаймленные гранитными стенками.

Мы стояли на утесе, который обрывался прямо в Ла-Манш.

Поверхность воды была серой и гладкой. Далеко-далеко виднелась темная полоса. Это была Франция.

«Удивительно, – размышлял я, – за спиной Англия, впереди Франция. Что здесь делаю я – русский?»

– Что-то я скучаю, – сказал усталым голосом Мриген. – Домой хочу. На родину.

– Ну вот! – усмехнулся Кумар. – Не успел приехать, уже скучает!

– Гляди веселей, – поддержал я Кумара. – Моргнуть не успеешь, как три месяца пройдет!

Мриген моргнул, но ничего, конечно, не изменилось. Грусть, поселившаяся в Мригене в тот момент, не покидала его до конца курсов. Иногда он доходил просто до неприличного состояния тоски и тогда становился похожим на Гамлета – принца Датского.

Совершенно счастливым я его видел лишь в день отлета.

– Смотри-ка, – сказал он тогда, – как три месяца быстро пролетели! Моргнуть не успел!

Серое небо над нами быстро темнело и вскоре превратилось в черное. Белесые просветы между облаками погасли. Мир вокруг нас слился в огромный черный шар. И где-то в середине этого шара, не разбирая, где небо, а где земля, мы возвращались в МЦОСП.

14

На следующий день в МЦОСП приехали сразу трое студентов с Черного континента. Один утром, другой – в обед, а третий, так уж получилось, ночью.

Позавтракав, я сел на диван в гостиной и взял в руки «Книгу жалоб и предложений», которая лежала на телевизоре. Жалоб у меня пока не было, предложения еще не появились. Но все же интересно было ее полистать. Посмотреть, кто и на что тут мог пожаловаться и какие предложения по этому поводу сумел внести?

К своему восторгу, я отыскал записи сэра Дэвида Аттенборо и принцессы Анны. Перевернув еще несколько страниц, наткнулся на строки, оставленные Николаем Николаевичем Дроздовым. Он ни на что не жаловался, зато предлагал.

«Жалко, что нету в зоопарке инсектария, – писал Николай Николаевич, – а то можно было бы пауков завести и скорпионов!»

Вдруг дверь в гостиную распахнулась, и в проем стало протискиваться огромное тело. Чтобы попасть в помещение, ему пришлось наклонить голову и подогнуть колени. Лицо этого человека было слегка вытянутым, поэтому казалось, что он непрестанно чему-то изумляется. Лоб незнакомца был обширен и гладок как бок яйца. В таком лбу с легкостью могло поместиться семь пядей.

– Добрый день, – сказал протиснувшийся. – Я ваш преподаватель Крис Кларк, помощник Джона Фа.

– Добрый день, – ответил я, вставая с дивана.

– А ты, конечно, Стас из России? – спросил меня Крис Кларк.

– Конечно, – согласился я.

Тут Крис заметил гостевую книгу в моих руках.

– Не забудь внести свои жалобы и предложения.

– Нету пока жалоб, как появятся – внесу.

– А это вот Наянго! – сказал Крис. – Познакомься!

Он сделал шаг в сторону, и я увидел Наянго, который за гигантской спиной Криса смог укрыться вместе с чемоданом и плащом, перекинутым через руку. Увидев меня, Наянго стал мерно опускать и поднимать голову, словно пытался выкачать из тела приветствие.

– Хай! – сказал он наконец и улыбнулся, показав канареечно-желтые зубы, крупные, как конфеты монпансье.

– Привет! – ответил я.

– Вот и познакомились, – подвел итог Крис Кларк.

В обед Наянго сел за мой столик. Слегка осовевший от двадцатичасового перелета и множества впечатлений, он смотрел на мир совершенно круглыми глазами. Он еще не окончательно прилетел на Джерси. Во всяком случае почвы под своими ногами он пока явно не чувствовал.

Я насыпал в тарелку кукурузные хлопья и залил их молоком. Затем протянул коробку с хлопьями своему соседу, предлагая последовать моему примеру.

Наянго испуганно отпрянул от коробки и замотал головой. Я понял, что надо дать ему успокоиться. Подождать, когда он окончательно прилетит.

15

После обеда я решил сходить в зоопарк. Хотя был еще сентябрь, в воздухе чувствовался запах зимы. Сырость пробиралась сквозь одежду и хватала за душу холодными ладонями. Над землей, скрывая живую изгородь, стелился плотный туман.

Я прошел по липовой аллее, потом свернул на луг. Зоопарк лежал где-то впереди за серой пеленой, из-за которой доносились крики обезьян и амазонских попугаев. Вскоре из тумана выступила врезанная в гранитный забор калитка с надписью «Посторонним вход запрещен!».

Воровато оглянувшись, я вошел в калитку, которая, видимо, выполняла роль служебного входа, и тут же остановился как вкопанный.

Я увидел старика. Он сидел на дереве и сердито смотрел на меня сверху. На старике не было совсем никакой одежды – его тело покрывала плотная шерсть черного и серого цвета. Голову обрамляла грива длинных седых волос, спускавшихся чуть не до пят. Его тонкие сухие руки лежали на коленях, а глаза пристально смотрели на меня.

«Не нравится, что через служебный вход зашел», – решил я.

Старик смотрел на меня так упорно, будто хотел взглядом вытолкнуть из зоопарка.

Не справившись с этим делом, он заворчал и полез на вершину дерева, волоча по ветвям длинный хвост. Забравшись повыше, он снова накрыл ладонями коленные чашечки и замер, глядя немигающим взглядом сквозь сетку.

Я подошел к вольеру, в котором находилось дерево со стариком, и прочитал табличку: «Колобус. Отряд Приматы. Обитает в Центральной и Западной Африке».

В той же клетке находилось еще несколько обезьян. Они вели себя так же, как колобус, сидящий под потолком вольера. Можно было подумать, что у них сеанс групповой медитации.

Чтобы больше не раздражать обезьян своим присутствием, я повернулся и пошел прочь.

Гранитная мостовая зоопарка блестела как рыбья чешуя. Много лет посетители полировали ее своими подошвами. А возле клеток человекообразных обезьян, самых популярных экспонатов любой зоологической коллекции, дорожки были гладкими, как ледяной каток.

Я прошел вдоль ряда клеток и оказался перед высоким красивым домом со сквозным проходом в первом этаже. На гранитной стене висела табличка: «В этом доме с 1956 по 1995 г.

жил и работал Джеральд Даррелл». Чуть ниже была прикреплена железная стрелка с надписью «Продолжение осмотра».

Повинуясь стрелке, я вошел в тоннель. Он оказался довольно длинным. Но скучать не приходилось. Вдоль прохода висели освещенные стенды, общий смысл которых можно было выразить словами «Наши достижения». Я замедлил шаг и с интересом стал рассматривать экспозицию.

Фотографии на стендах изображали, как сотрудники Джерсийского зоопарка идут по болотам, пересекают леса, сидят у костра в окружении туземцев. По лицам туземцев было видно, что они восхищены работой Джерсийского зоопарка и просят принять их в члены организации.

Подробно ознакомившись со стендами, я вышел из тоннеля.

16

С лужайки, где я оказался, открывалась великолепная панорама. Лужайка обрывалась в овраг, где по колено в тумане стояли даурские журавли, похожие на рыбаков со спиннингами. Дальше был виден загон с парой лошадей Пржевальского. Они с ржанием скакали по загону и то и дело взбрыкивали. И совсем далеко впереди я увидел гориллу. Она поднялась на холм и принялась зачем-то махать огромной палкой.

– А вот из-за Нила горилла идет, – сказал я. – Горилла идет, крокодила ведет.

Позже мне рассказали, что на лужайке, откуда я смотрел на зоопарк, когда-то пил чай король Карл Стюарт. Тот самый, который подарил острову самый большой в Европе жезл.

За лужайкой тянулся низкий гранитный барьер, почти полностью утопленный в цветах, а перед ней – неширокая дорога. Она соединяла дом Даррелла с приусадебным хозяйством зоопарка, а с другой стороны поднималась на пригорок, вершину которого венчало какое-то строение. Полюбовавшись еще немного открывающимся отсюда видом, я вышел на дорогу и стал взбираться на склон.

Постройка на вершине пригорка оказалась клеткой необычной конструкции. Три ее стены обтягивала сетка-рабица, четвертую, заднюю, выложили из гранита и снабдили множеством ниш и полочек. На некоторых полочках стояли лесные ибисы. Они вертели головами из стороны в сторону и напоминали пограничников, которые наблюдают границу в кривые подзорные трубы. Хотя эти редкие ибисы обладают красивым черным оперением с военным зеленым отливом, голову каждого из них охватывает обширная монашеская плешь, за что они на английском языке получили название лысых.

Вдруг один из них повернул ко мне свою «подзорную трубу» и резко хлопнул крыльями, издав звук, похожий на выстрел. Я вздрогнул и попятился. Тут птицы одна за другой стали «стрелять» крыльями, иногда пуская целые очереди.

Не понимая, что делаю, я перепрыгнул через кусты, тянувшиеся вдоль дороги, и побежал по газону. А за спиной все «стреляли» и «стреляли».

Придя немного в себя, я перешел на шаг, затем остановился, огляделся и поспешил к замеченной мною песчаной дорожке. Дорожка привела меня к стеклянному павильону. За его стеклами стояли суковатые ветви, а с потолка свисали веники, похожие на берзовые. На стене висела табличка «Алаотранский бамбуковый лемуру».

Несколько минут я стоял перед пустым павильоном, размышляя, какая может быть связь между лемурами и березовыми вениками. Мне представилась совершенно безумная картина: на банных полках в меховых шубах сидят взопревшие от пара лемуры и хлещут друг друга березовыми вениками.

Однако пора было продолжать путь.

Лавируя между кустами жасмина, я миновал две клетки, напоминавшие башни знаменитого Тауэр-бридж. В клетках, повиснув на сетчатом потолке вверх ногами, орала и хлопала крыльями большоголовые попугаи. Хотя надвигающиеся сумерки сделали желто-зеленое оперение птиц серым, я узнал их. Это были амазоны с острова Сент-Винсент, которых в мире осталось, кажется, не больше пятисот.

– Вам бы поберечь себя, – сказал я. – А вы орете.

На мое замечание попугаи никак не отреагировали.

Я огорченно махнул рукой и пошел по дорожке мимо длинных зеленых стен и кустов. Повернув за одну из таких стен, я увидел клетку, в которой стоял человек.

17

Этому человеку было явно неудобно, потому что высота клетки была ниже его роста. Он напоминал артиста, который показывает цирковой номер «человек в кубе».

Чтобы не повредить клетку, ему приходилось подгибать ноги и сильно горбиться. Он чистил граблями ее песчаное дно. Под его ногами с воплями бегали два фазана и пытались не попасть под горячие грабли. Иногда голова или плечо уборщика упирались в сетку, и тогда снаружи клетки вздувался пузырь.

Наконец человек собрал мусор в кучу, пересыпал его в сито, а затем стал просеивать, отделяя чистый песок от продуктов жизнедеятельности фазанов. То, что осталось в сите, человек высыпал в ведро. Он напоминал старателей, которые в поисках самородков мыли золотосодержащий песок на берегах американских рек. Человек был бородат, усат и, кроме того, носил очки.

Заметив мое присутствие, великан поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

В его глазах совершенно ясно читался вопрос: «А это кто такой?»

– Я из России, – объяснил я. – Приехал учиться.

– Студент? – догадался гигант.

– Студент, – согласился я.

– А ведь и я студентом был! – обрадованно сказал гигант.

– Да?

– Ага. Тоже в МЦОСПе учился. Но началось все не с него.

– А с чего?

– Не хочешь помочь мне убрать клетку? – вдруг предложил гигант. – Ты ведь уходи за животными приехал учиться? Тут и поговорим!

– А что? Я не против!

Я кивнул, обогнул фазанника, который тянулся на добрых двадцать метров, затем завернул за угол и вошел в калитку, задев плечами близрастущие жасминовые кусты.

Человек ждал меня у клетки с белыми фазанами. Расправивший плечи, он был подобен памятнику Петру Великому на Москве-реке. Только не хватало ему под ноги небольшого корабля.

– Ты умеешь пользоваться граблями?

– Конечно, умею. Чего ж тут не уметь?

– Тогда давай знакомиться. Меня зовут Крис Хейнс.

– Очень приятно, – ответил я и тоже представился. – Где будем убирать?

Крис задумчиво оглянулся на клетку, из которой только что вышел. В его очках блеснуло сразу два заходящих солнца, и он стал похож на собаку с горящими глазами из сказки «Огниво».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.